

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Я. Д. Чечнев
г. Москва, Россия

ГОРОД-ТЕРРАРИУМ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНИЯ МЕСТА ПЕТЕРБУРГА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №14-18-02709) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Интерес к Петербургу в начале XX в. в русской художественной литературе объясняется обновлением восприятия города «трагического империализма». По- и постреволюционные события российской истории существенно трансформировали Петрополь, изменили его характер, гений его места. Константин Вагинов, подобно многим своим современникам и коллегам-литераторам, внимательно наблюдал за происходящей с Петербургом метаморфозой и старался описать ее. Для него город представлял собою единый организм, пораженный «неизвестной болезнью». В условиях становления нового быта писатель пытался разгадать, чем обернется для его любимого города «революционная прививка» и каким он станет, «восстановившись» после «болезни».

Ключевые слова: Вагинов, Анциферов, Петербург, Ленинград, локально-исторический метод, город, гений места.

Информация об авторе: Яков Дмитриевич Чечнев — аспирант, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Дата поступления статьи: 05.04.2017

Дата публикации: 15.12.2017

Первые годы XX в. принесли с собой, как пишет учитель К. К. Вагинова по Институту истории искусств Н. П. Анциферов, «многообразный интерес к Петербургу» [2, с. 159–160]. Он выражался в признании значительности самого города, особенно его внешнего облика, его архитектуры. На возможность восхищения «каменной плотью» города Петра указал в 1902 г. А. Н. Бенуа в статье «Живописный Петербург» [5].

До этого момента отношение к Петербургу менялось неоднократно. В XVIII в. город представлялся как выражение мощи молодого Российского государства (торжественные оды). В первой половине XIX в. такие писатели, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, Н. П. Огарев, В. С. Печерин, М. А. Дмитриев и др., создавали образ стоящего на болоте, чуждого всему живому города «трагического империализма», призрачного, обреченного на гибель, лишённого основы «города на чужбине», в котором царит «дух неволи». В 50–60-е гг. XIX в. Н. А. Некрасов, Н. Г. Помяловский, В. В. Крестовский, Н. Г. Чернышевский и др. смотрели на Петербург как на город социальных контрастов. В творчестве Ф. М. Достоевского Петрополь становится городом-

символом, городом преступления и наказания, воплощением определенного этапа русской истории, проводником «европейского» в Россию, непротиворечивым выразителем национального своеобразия ее народа, не «Inferno» (каким он мог показаться после чтения «физиологических очерков»), а тем «Purgatorio, через который лежит очистительный путь страданий в Paradiso Золотого века» [4]. Мысль Достоевского о Золотом веке радикально решает урбанистическую тему: в «земном раю <...> мы не встретим “Преображенного Иерусалима”. Его (Достоевского. — Я. Ч.) “Золотой век” не ведает городов. Автор “Сна смешного человека” приходит к полному отрицанию урбанизма» [4, с. 448].

Многогранный образ Северной столицы, созданный Достоевским, был завершением богатой литературной традиции. К концу XIX в. урбанистическая тема сузилась до бытовых пределов. Наступили «сумерки великого города в сознании русского общества» [4, с. 472]. Л. Н. Толстой («Анна Каренина», «Воскресенье») и А. П. Чехов («Записки неизвестного человека») описывали только петербургское общество, а не внешний облик столицы и ее историческое значение. Но на рубеже XIX–XX вв. актуализируется интерес к городу, в первую очередь благодаря творчеству символистов, через В. С. Соловьева усвоивших наследие Достоевского, а также благодаря акмеистам, футуристам и художникам (А. Н. Бенуа, Н. А. Остроумовой-Лебедевой, М. В. Добужинскому, В. А. Серову, Е. Е. Лансеру и др.)

После 1917 г. необычайно возрастает внимание к Петербургу, преобразованному революцией. С одной стороны, город воспринимается как колыбель Октября [4, с. 473], с другой — последствия Первой мировой и Гражданской войн привнесли в русскую литературу новый сюжет, связанный с физической гибелью Петрополя. Н. П. Анциферов полагал, что события 1905 г. явились катализатором развития этой темы [2, с. 159]. Именно реакция на подавление первой русской революции привела к перерождению чувства к Петербургу. Если у Бенуа город в 1902 г. вызывал двойственное чувство, будучи с одной стороны городом, в котором царит римский дух порядка, дух формально совершенной жизни, а с другой — городом самым фантастическим, «грандиозной, но слабеющей пружинкой» [5], то, например, З. Н. Гиппиус Петербург видится победоносным деспотом, который своим холодным дыханием умерщвляет поверженную Россию [2, с. 166].

В элитарной среде петербургской «творческой интеллигенции» после 1905 г. вокруг образа Северной Пальмиры начинают группироваться отклики, следующие в своей сути за словами Гиппиус. Петрополь становится местом «заранее обреченным»: «проклятой ошибкой» (И. Ф. Анненский), «городом мифа» (Андрей Белый), построенным на бесчисленных мертвецах, чьими костями «забучена топь» (Д. С. Мережковский). Даже несмотря на то что для некоторых поэтов, например, для А. А. Блока, Петербург представляет собой неразгаданную тайну, он все равно оказывается городом, стоящим на краю земли, у пределов неведомого [2, с. 196]. Бездна, активная сила небытия, продолжала сторожить город.

Зимой 1920–1921 гг. в Петербург вместе с тифозным поездом с войны возвращается больной туберкулезом, лишившийся вследствие цинги передних зубов 22-летний Константин Вагинов [16, с. 451; 12, с. 182–183]. Ему выпало на долю совершить буквальное, а после и литературное «путешествие в Хаос». Отвоевав сначала в Польше в рядах Красной Армии, он был переброшен в Сибирь, а затем на Дальний Восток. Об этом периоде своей биографии поэт упоминает в стихотворении 1922 г. «Юноша»: «Нары. Снега. Я в толпе сермяжного войска. / В Польшу налет — и перелет на Вос-

ток...» [6]. Писатель вернулся в незнакомый разрушенный, обезлюдевший, захваченный «чуждой стихией» город; оказался «старым человеком» в новом пространстве. О своих впечатлениях от увиденного поэт рассказывает в дебютном сборнике 1921 г. «Путешествие в Хаос»: «И голова моя качается как череп / У окон сизых, у пустых домов / И в пустыри открыты двери, / Где щебень, вихрь, круженье облаков» («Еще зари оранжевое ржанье...»); «Седой табун из вихревых степей / Промчался, все круша и руша. / И серый мох покрыл стада камней...» («Седой табун из вихревых степей...») [8] и др.

Одним из основных факторов петроградской жизни после 1917 г. была катастрофическая убыль населения, связанная с еще не окончившейся Первой мировой войной и разразившейся Гражданской. В 1914 г. в городе проживало 2 103 000 человек. На протяжении последующих двух лет численность города увеличивалась за счет притока беженцев с оккупированных немцами территорий и в 1916 г. достигла 2 415 000 человек. Убыль населения началась в 1917 г., и к 1920 г. число жителей сократилась более чем в три раза и находилась на отметке 722 229 человек [14, с. 95]. Необычайную пустоту «развалин теневых» Вагинов передает через эхо, свободно гуляющее по «безглазым мокрым бокам туннелей» (К. А. Федин): «Один на площади среди дворцов змеистых / Остановился он — безмысленная мгла / Его же голос, сидя в пышном доме, / Кивал ему и пел и рвался сквозь окно» («Под гром войны тот гробный тать...») [8, с. 83–84]. Поэту иногда кажется, что он оказался в пустыне, а сам Петербург представляется как древний погибший город: «Среди пустынь вдруг очутился я / И слышу песнь во тьме руин высоких, / В рядах колонн без лавров и плюща: / “Пустынна жизнь среди Пальмир несчастных, / Где молодость, как виноград, цвела / В руках умелых садовода...”» («Отшельники») [8, с. 90–92].

Поток бедствий, устремившийся на Петрополь в начале 1920-х гг., Вагинов связывает с приближением восточной деспотии. Уже в «Путешествии в Хаос» возникает образ «седого табуна» («Седой табун из вихревых степей...»), который проносится, словно ветер, по некогда богатой и населенной территории и оставляет после себя гибель и разрушение. Главного человека того времени — В. И. Ленина — писатель представляет повелителем степного, кочевого, азиатского народа. Вагинов дает ему имя Магомед-Ульян и дарует титул «цезарь безносый всея азиатской России» («Отшельником живу, Екатерининский канал, 105...») [8, с. 61].

Магомед-Ульян под красным знаменем привел степную орду и сермяжное войско на некогда тучную землю, которая, после их прихода, стала необильна и «не нужна никому»: вместо сказочных яств «туземцам» остались лишь «из кукурузы хлеб» и «прогорклая вода» («Отшельником живу, Екатерининский канал, 105...»). Вагинов утверждает, что Магомед-Ульян построил юродивых дом «в стране белопушной». Этому новому дому «монгольских пращуров» и лихих кумачовых знамен жители Петербурга (и писатель в том числе) могут противопоставить память о былом: «Мы помним наш город, / Неву голубую, Медвяное солнце, залив облаков, / Мы помним Петрополь и сине волны, / Балтийские волны и звон площадей...» («Петербуржцы») [8, с. 44].

Вагинов не оригинален, обращаясь к теме Востока. Особый импульс размышлениям о пути развития России, о ее «славянской душе» задал Владимир Соловьев. Его разделение Востока на две составляющих — символические «Восток Ксеркса» и «Восток Христа» (стихотворение «Ex oriente lux», 1890) — оказало значительное влияние на литературу Серебряного века. Под «Востоком Христа» Соловьев понимал воплощение философии деятельной любви и добра. С «Востоком Ксеркса» философ связывал собственные опасения эсхатологического разрешения противостояния между европей-

ским Западом и объединенными силами азиатского востока (панмонголизм). В статье «Враг с Востока» (1892) Соловьев предупреждает не только о возможной духовной, но и о физической (экологической) угрозе — о грядущем иссушении, обезвоживании русской почвы и превращением России в «азиатскую пустыню» [15, с. 432]. Учение Соловьева согласно своим эстетическим исканиям восприняли Д. С. Мережковский, И. А. Бунин, М. А. Волошин, Вяч. Иванов, Ф. К. Сологуб, В. Хлебников и др. Особое видение Востока выразил в своей поэзии Н. С. Гумилев (так называемый «экзотизм»), курс лекций которого в «Доме искусств» Вагинов посещал по возвращении со службы, видимо, в 1921 г. [12, с. 183]. Однако, несмотря на такое «маститое» окружение, автору «Козлиной песни» (1926—1927; 1929) удалось оригинальным образом произнести «собственное слово» относительно процессов, происходящих в стране после Октября.

На глазах жителей Петербурга погибал их любимый город, и дело здесь не столько в приходе «монгольских пращуров»: рассыпался прежний гений места, который Н. П. Анциферов понимал как видимое воплощение материального — то есть *местность, какой она является в действительности* (курсив наш. — Я. Ч.) и каким образом (через форму земли, наклон улиц, архитектуру, звуки и т. п.) она о себе повествует [1]. Прежний гений места был связан с образом Медного Всадника. Город, построенный Петром на чужой территории, на окраине государства, в отдалении от исторической коммуникации, явился стране «регулярным городом, управлявшим деспотически Россией, но совершенно чуждым ей, какой-то математической точкой, из которой летели во все края Империи циркуляры» [13, с. 324]. В восприятии этой Северной Пальмиры многое, если не все, зависит от освещения, которое задает общий призрачный тон виду города. Порядок всей жизни России в XIX в. оказывается под влиянием этого «цивилизационного» и административного города.

Наблюдая за опытом построения города Достоевским [4], Н. П. Анциферов отмечает, что Петербург, бросив семена греха в русскую почву, вошел своим ландшафтом, погодой, всем обликом во взаимодействие с их ростками, запленившими Российскую империю повсеместно, ведя страну по пути самоуничтожения. Другими словами, характер столицы отражался на всей стране. В этом смысле прежний, «идиллический», способ повествования, который создавался И. С. Тургеневым, С. Т. Аксаковым, Л. Н. Толстым, во второй половине XIX в., благодаря творчеству Ф. М. Достоевского, взрывается новым историзмом «петербургского хронотопа» романов автора «Братьев Карамазовых». Город, таким образом, оказывался уже не математической точкой на карте России, а ее историческим этапом («петербургским хронотопом»), который должна пройти вся страна вместе со своим населением [11, с. 248–249]. Следовательно, как уже говорилось выше, город Петра становится во второй половине XIX в. своеобразным Чистилищем, через которое лежит очистительный путь к будущему.

Смена имени и административного статуса, как отмечает Д. С. Московская [11, с. 249], которые пережил Петербург, освободили его от той роли, что он некогда играл в российской истории, изменилась вслед за этим психология его населения и его судьба: некогда неограниченная власть этой местности над всей страной вновь вернулась в пределы города. Вместе с этим сменился и характер гения местности. Теперь «недоносок» (Н. А. Заболоцкий), «европейский малолетка» (П. Н. Столпянский), который две сотни лет нарушал природно-человеческий порядок жизни, оказывается жарким, наэлектризованным политикой, взвинченным толпой «новых виффлеемцев» (К. К. Вагинов) форвардом мирового социалистического соревнования («Футбол» Н. А. Заболоцкого), противопоставлением капиталистическому «загнивающему» западному миру.

Прежний гений места (или, по Пумпянскому, Демон места) — хозяин и царь Петр — оказывается пойманным «монгольскими пращурами», новыми «постояльцами», опьяненными алкоголем (Заболоцкий «Красная Бавария») или кокаином (Вагинов «Кафэ в переулке»). Его место в условиях «заковывания» Медного Всадника в собственное творение (В. В. Маяковский «Последняя Петербургская сказка») занимает, как показала Д. С. Московская [11, с. 223–271], Ангел Александрийского столпа, указующий земле путь в небо.

Константину Вагинову этот Ангел казался диковинным странным существом, а сам город представлял для поэта неразрешимую загадку: «И странен ангел мне, дощатый мост Дворцовый / И голубой, как небо, Петроград...» («Финский берег») [8, с. 78–80]. Выше уже отмечалось, что город в начале 1920-х гг. представлял собой величественное зрелище «прекрасного умирания». Для Н. П. Анциферова, как и для его ученика Константина Вагинова, Петербург всегда был сильнейшим жизненным переживанием. Его своеобразная красота страшных смертных лет Гражданской войны действовала гипнотически. В начале 20-х гг. XX в. куда-то провалилось «чрево» города: Петрополь словно омылся. Среди небывалых закатов остались только одни дворцы и призраки божеств, некогда их населявшие (см., например, стихотворения Вагинова «Я встал пошатываясь и пошел по стенке», «От берегов на берег» и др.) [8, с. 54, 123]. Самого себя в начале 1920-х гг. поэт тоже представляет блуждающим в замкнутом пространстве или далеко от берега призраком, иногда — продолжающим жить трупом: «Но знаю я, корабль спокоен, / Что он недвижим среди пучины, / Что не вернуться мне на берег, / Что только тень моя на нем...» («Григорию Шмерельсону»); «Уж сизый дым влетает в окна, / Простертый на диване труп / Все ищет взорами волокна / Хрустальных дней раззятую игру...» («Уж сизый дым влетает в окна...») [8, с. 87, 36] и др.

В условиях голода, повальных болезней, морального страдания люди в Петербурге, вынужденные всю зиму не раздеваться, сидеть у буржук, резать на части мертвых лошадей, становятся, как отмечает писатель, «совершенно прозрачными и опухшими» [7, с. 65], т. е. буквально похожими на призраков. И блуждают они среди «вымерших, провалившихся домов» (К. А. Федин), переживших «кумачную бурю». В условиях деградации культуры, как отмечает Вагинов, представители старой интеллигенции Петербурга (и писатель вместе с ними) потерпели фиаско: «Не город пал, мы пали над Невой» («Мы отошли, коварные потомки...») [8, с. 82]. В по- и постреволюционном Петербурге люди «аполлонической» культуры, у которых при слове императорский просыпалось «нечто поэтическое», благодаря «ненужной» памяти о былом величии петербургского «угасшего родника» постепенно из призраков превращались, по позднему выражению Вагинова, в «музейные экспонаты» («<Записка М. Э. Козакову>») [7, с. 511].

Жизнь в постоянном ощущении «разлагающейся оболочки» не всегда позволяла «полупрозрачным музейным экспонатам» бороться со «скверным искусом» новой социально-политической реальности. Их жизнь в условиях становления советского государства Вагинов описал в своей первой «петербургской сказке» — романе «Козлиная песнь» (1926–1927; 1929), действие которого начинается в первую зиму военного коммунизма.

В этом романе писатель продолжает развивать мотив пустыни, только теперь это не погибший древний город, Рим, Александрия или Пальмира, а *безродная пустыня* (курсив наш. — Я. Ч.), принимающая различные формы. «Подымется тяжелый песок, спиралью вьется к невыносимому небу, окаменевают в колонны, песчаные волны воз-

носятся и застывают в стены, приподнимается столбик пыли, взмахнет ветер верхушкой — и человек готов, соединятся песчинки, и вырастут в деревья, и чудные плоды мерцают» [7, с. 14]. Петербург начала 20-х гг. XX в. был городом длящейся метаморфозы. На глазах у Вагинова разворачивалось величественное преобразование, которое одновременно зачаровывало его и отталкивало [8, с. 306–307].

В предисловии к «Козлиной песне» автор замечает, что с некоторых пор начал меняться цвет города, если раньше высокое голубое небо освещало «барочные, неоримские, неогреческие архитектурные острова», то теперь какой-то зеленый огонек блуждает по городу и в мгновение ока преобразует «песчаных людей» в ужасающих гадов, змей, жаб, лягушек: «Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленоватый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. И на домах, и на лицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, ехидный и подхихикивающий. Мигнет огонек — и не Петр Петрович перед тобой, а липкий гад; взметнется огонек — и ты сам хуже гада; и по улицам не люди ходят: заглянешь под шляпку — змеиная голова; всмотришься в старушку — жаба сидит и животом движет» [7, с. 12].

Несмотря на то что гений места благодаря творческим усилиям Николая Заболоцкого переместился на Дворцовую площадь, от Медного Всадника к Ангелу Александрийского столпа, персонажи романа Вагинова не видят этого переноса. Складывается ощущение, что они застряли в условиях «разрушающейся оболочки, сгнивающих семян, среди уже возносящихся ростков». Герои Вагинова постоянно ходят друг к другу в гости мимо городских «мест силы», как будто бы не замечая их. Рисуя маршруты своих персонажей, Вагинов заостряет внимание читателя не на принципиальных точках в истории города, какими, например, являются Исаакиевский собор, Невский проспект, памятник Петру Великому и т. п., а на кажущихся «мелочах». «Весь день провели вместе Костя Ротиков и неизвестный поэт. Гуляли по Летнему саду, по набережным Фонтанки, Екатерининского канала, Мойки, Невы. Постояли перед Медным Всадником, *пожалели, что некогда отцы города счистили зелень* (курсив наш. — Я. Ч.), — прекрасную черно-зеленую патину» [7, с. 61]. Такая жалость к тому, что «отцы города» вычистили все деревья перед медным всадником, вызвана тем, что персонажи Вагинова, как и сам писатель, воспринимают Петербург не как отдельные «ключевые» места, соединенные дорогами, и даже не как город вообще, а как *большой дворец* с окружающим его садом, как целостный неделимый организм, тело которого поражено неизвестной болезнью. Преобразование жителей Петербурга в липких гадов и самого города в город-террариум — это трагическое следствие неизвестной болезни, поразившей «аполлоническое» тело города Петра.

Вагинов особое внимание уделяет человеческому телу. Изобилие открытий в физике, химии, механике, по его мнению, увело многих талантливых и несчастных художников от философии и человеческого сердца. Эти «бедные художники» перестали чувствовать прекрасное свое тело, ни трепетание жил и мускулов, ни «лежащих в оных морей, ни произрастающих рощ и градов» [7, с. 481]. Поэт сравнивает тело с океаном: «Да, тело — океан, а мозг над головою / Склонен в зрочки и видит листный сад / И времена тугие и благие Великой Греции» («Поэма квадратов») [8, с. 69–71]. Ставит человеческое тело выше собственного облика: «Но, человек, твое дороже тело / Моей червонномраморной груди / И глаз моих с каймою из лазури, / И ног моих, где моря шум умолк» («Искусство») [8, с. 72]. Говорит о том, что широкое тело его «небывшей отчизны» состоит из «красного воска»: «До белых барханов твоих / От струй отдаленного моря / Небывшей отчизны моей / Летают чугунные звуки. / Твои слюдяные глаза / И тело из красного воска...» («До белых барханов твоих...») [8, с. 75].

Неизвестная болезнь, поразившая городской организм, разносится буквально со скоростью света. Недаром «подхихикивающий» зеленоватый огонек мгновенно физически и духовно преображает «песчаных жителей» в безобразных рептилий со странными мыслями: гавайскую музыку услышать, поэффектнее повеситься, ребенком обзавестись, чтоб мужскую силу доказать и т. п. [7, с. 12]. Эта медленная смерть «прежних» жителей Петербурга от «революционной прививки», которая оказалась для города, по мысли Вагинова, ядом (ср. «Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград, но Ленинград нас не касается...» [7, с. 13]), заставляет автора «Козлиной песни» уже при жизни своих персонажей заготавливать им «гробики»: «И любит он своих покойников, и ходит за ними еще при жизни, и ручки им жмет, и заговаривает, и исподволь доски заготавливает, гвоздики закупают, кружев по случаю достает» [7, с. 13].

Новый быт, который пропагандировали большевики, довольно быстро откладывал свой отпечаток на характере Петербурга. Вместо регулярного города А. Н. Майкова, о котором писал Н. П. Анциферов [2], перед взором Вагинова предстает, если можно так выразиться, «нерегулярный», разлагающийся от «фосфорического» света-яда город без прошлого («город-с-нуля»), в котором чужое, пришлое племя «монгольских пращуров», «новых виффлеемцев» строит новые порядки и сбрасывает с корабля современности «коварных потомков». Прежний цвет Петербурга, его элита (генералы, музыканты, литераторы, ученые и т. д.), поражены какой-то неизвестной болезнью. В условиях длящейся метаморфозы они вынуждены по-разному приспосабливаться к новому социально-политическому порядку. Такое их «приспособленчество» для Вагинова является маркером деградации «былой» культуры. Преображение в гротескном виде представляет зачатки «нового человека», «липкого гада», пролетария Ленинграда первой пятилетки, форварда социалистического соревнования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...». СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
- 2 *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
- 3 *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. М.: Книга, 1991. 227 с.
- 4 *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / сост., подг. текста, послесл. Д. С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
- 5 *Бенуа А. Н.* Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. № 1. С. 1–5.
- 6 *Вагинов К. К.* Попыты соединения слов посредством ритма. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 80 с.
- 7 *Вагинов К. К.* Козлиная песнь: Романы / вступ. ст. Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской, В. И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с.
- 8 *Вагинов К. К.* Песня слов. М: ОГИ, 2012. 368 с.
- 9 *Кибальник С. А.* Материалы К. К. Вагинова в рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Наука, 1994. 219 с.
- 10 Литературная газета. 1931. 5 сентября. № 48 (147).
- 11 *Московская Д. С.* Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2010. 432 с.

- 12 *Никольская Т. Л., Эрль В. И.* Жизнь и поэзия Константина Вагинова // *Никольская Т. Л.* Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 320 с.
- 13 Об Александре Блоке / ст. Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского [и др.]. Пг.: Картонный домик, 1921. 336 с.
- 14 Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / *Яров С. В. и др.* М.: Центрполиграф, 2013. 543 с.
- 15 *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. / В. С. Соловьев. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 822 с.
- 16 *Чуковский Н. К., Чуковская М. Н.* Воспоминания Николая и Марины Чуковских / сост., вступ. ст. Е. В. Ивановой; подг. текста Е. В. Иванова, М. Д. Чуковской; коммент. Е. В. Ивановой, А. Л. Дмитренко, П. Ф. Успенского. М.: Книжный Клуб 36.6, 2015. 688 с.

***

© 2017. Yakov D. Chechnev
Moscow, Russia

TERRARIUM CITY OF KONSTANTIN VAGINOV: TRANSFORMATION OF THE GENIUS LOCI OF PETERSBURG BEFORE THE FIRST FIVE-YEAR PLAN

Acknowledgements: The study was performed with a support of a grant of Russian scientific Foundation (project No. 14-18-02709) and in A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The revolutionary events in Russian history substantially transformed Petropol, changed his character, his genius loci. Konstantin Vaginov, like many of his contemporaries, witnessed the metamorphosis Petersburg and tried to describe it. For him, the city represented a single living organism, affected by “unknown disease”. Under conditions of formation of a new way of life the writer tried to figure out what will “a revolutionary vaccine” bring to his beloved city.

Keywords: Vaginov, Antsiferov, Petersburg, Leningrad, locally-historical method, city, genius loci

Information about author: Yakov Dmitrievich Chechnev — Postgraduate, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru.

Received: April 5, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Anciferov N. P. “*Nepostizhimyj gorod*” [“Unfathomable city”]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1991. 335 p. (In Russian)
- 2 Anciferov N. P. *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. Petrograd, Brokgauz-Efron Publ., 1922. 226 p. (In Russian)
- 3 Anciferov N. P. *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byl' i mif Peterburga* [The Soul of St. Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. True story and myth of St. Petersburg]. St. Petersburg, Kniga Publ., 1991. 227 p. (In Russian)

- 4 Anciferov N. P. *Problemy urbanizma v ruskoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnyh tradicij* [The issues of urbanism in Russian literature. The experience of building the image of the city – Dostoevsky’s Petersburg — basing on the analysis of literary traditions], preparation of the text, afterword by D. S. Moskovskoj. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. 584 p. (In Russian)
- 5 Benua A. Zhivopisnyj Peterburg [Picturesque Petersburg]. *Mir Iskusstva*, 1902, no 1, pp. 1 (In Russian)
- 6 Vaginov K. *Opyty soedinenija slov posredstvom ritma* [Experience of associating words through rhythm]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade Publ., 1931. 80 p. (In Russian)
- 7 Vaginov K. K. *Kozlinaja pesn': Romany* [Goat song: Novels], introduction by T. L. Nikol'skaja, notes by T. L. Nikol'skaj, V. I. Jerlja. Moscow, Sovremennik Publ., 1991. 592 p. (In Russian)
- 8 Vaginov K. K. *Pesnja slov* [Song of words]. Moscow, OGI Publ., 2012. 368 p. (In Russian)
- 9 Kibal'nik S. A. Materialy K. K. Vaginova v rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma [Materials of K. K. Vaginov in the manuscript Department of the Pushkin House]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [The Pushkin House manuscript Department’s Annuary for 1991]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. (In Russian)
- 10 *Literaturnaja gazeta*, 1931, 5 sentjabrja, no 48 (147). (In Russian)
- 11 Moskovskaja D. S. *N. P. Anciferov i hudozhestvennaja mestnografija ruskoj literatury 1920–1930-h gg.: K istorii vzaimosvjazej ruskoj literatury i kraevedenija* [N. P. Antsiferov and art bestography of the Russian literature of 1920–1930s: the history of interrelations of Russian literature and local lore studies]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010. (In Russian)
- 12 Nikol'skaja T. L., Jerl' V. I. Zhizn' i poezija Konstantina Vaginova [The life and poetry of Konstantin Vaginov]. Nikol'skaja T. L. *Avangard i okrestnosti* [Avant-garde and the surrounding area]. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbaha Publ., 2002. (In Russian)
- 13 *Ob Aleksandre Bloke* [On Alexander Blok] / Stat'i N. Antsiferova, Iu. Verkhovskogo, V. Zhirmunskogo [i dr.] [articles N. Antsiferova, Y. Verhovskogo, V. Zhirmunsky [and others]]. Petrograd, Kartonnyj domik Publ., 1921. 336 p. (In Russian)
- 14 *Petrograd na perelome jepoh. Gorod i ego zhiteli v gody revoljucii i Grazhdanskoj vojny* [Petrograd at the turn of epochs. The city and its inhabitants in the years of revolution and Civil war], Jarov S.V. and other. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013. 543 p. (In Russian)
- 15 Solov'ev V. S. *Sochinenija: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. Vol. 2. 822 p. (In Russian)
- 16 Chukovskij N. K., Chukovskaja M. N. *Vospominanija Nikolaja i Mariny Chukovskih. Sostavlenie* [Memories of Nicholas and Marina Chukovsky], compiling, introductory article by E. V. Ivanova; preparing text by E. V. Ivanova, M. D. Chukovska; comments by E. V. Ivanova, A. L. Dmitrenko, P. F. Uspenskii. Moscow, Knizhnyj Klub 36.6 Publ., 2015. 688 p. (In Russian)